

1

Меня зовут Робинетт Броудхед, но, вопреки своему имени, я мужчина. Мой домашний психоаналитик — я зову его Зигфрид фон Психоаналитик, хотя у него вообще нет имени, потому что он всего-навсего компьютерная программа — по этому поводу получает немало электронного удовольствия.

— Почему вас беспокоит, что некоторые считают ваше имя женским, Боб? — интересуется он.

— Меня это не беспокоит, — бодро отвечаю я.

— Тогда почему вы постоянно об этом твердите?

Он раздражает меня, напоминая о том, что я частенько завожу разговор о своем имени. Я смотрю на потолок с подвешенными мобилями и светильниками, потом в окно. Но на самом деле это не окно, а движущаяся голограмма прибоя на мысе Каена.

Программа Зигфрида фон Психоаналитика очень эклектична, и это частенько заводит меня в тупик. Спустя немного времени я говорю ему:

— Меня так назвали родители, и с этим я ничего не могу поделать. Когда я представляюсь

Р-О-Б-И-Н-Е-Т-Т, остальные обязательно произносят мое имя неверно.

— Но вы же знаете, что его можно поменять?

— Если это сделать, — отвечаю я, будучи абсолютно уверен, что прав, — ты заявишь, что у меня навязчивое желание защитить свои внутренние дихотомии.

— На самом деле я скажу, — возражает Зигфрид со своим тяжелым механическим юмором, — что вам совсем не обязательно использовать специальные психоаналитические термины. Я был бы благодарен, если бы вы просто сообщили, что чувствуете.

— Я чувствую, что вполне счастлив, у меня никаких проблем, — в тысячный раз терпеливо отвечаю я. — Да и почему бы мне не быть счастливым?

Так мы часами играем словами, и мне это не очень нравится. Мне кажется, что в его программе заложена какая-то ошибка.

— Скажите мне, Робби, почему вы несчастны? — снова обращается он ко мне. Я ничего не отвечаю, но он упорно настаивает на своем: — Я думаю, вы чем-то обеспокоены.

— Вздор, Зигфрид, — отмахиваюсь я, испытывая легкое отвращение к этому занудному детищу научно-технического прогресса, — ты всегда пристаешь ко мне с этим дурацким вопросом. Меня ничто не беспокоит.

— Нет ничего плохого в том, что ты признаешься, как себя чувствуешь, — вкрадчиво продолжает он.

Я снова смотрю в окно и сержусь, потому что по непонятной причине начинаю дрожать.

— Ты мне надоел, Зигфрид, понимаешь? — наконец грубо заявляю я.

Он что-то отвечает, но я уже не слушаю. Сижу, гадаю, зачем я трачу здесь свое драгоценное время. Если на Земле и есть человек, имеющий все основания, чтобы чувствовать себя счастливым, то этот человек я — Робинетт Броудхед. Я достаточно богат и хорошо выгляжу. Не стар, к тому же у меня Полное медицинское обслуживание. Так что в последующие пятьдесят лет я могу быть любого возраста — по выбору. Живу я в Нью-Йорке под Большим Пузырем — такое может позволить себе только очень богатый и к тому же известный человек. У меня имеются летние апартаменты, выходящие на Тапаново море и на плотину Палисейдс. К тому же все девушки буквально сходят с ума из-за моих трех браслетов — «вылетов». Ведь на Земле не так много старателей, и даже в Нью-Йорке. Поэтому все дико хотят услышать мой правдивый рассказ о том, что там на самом деле в туманности Ориона или в Большом Магеллановом Облаке. Разумеется, я никогда не посещал ни один из этих галактических «курортов». А о том единственном интересном месте, где все же побывал, я не люблю говорить.

— Если вы действительно счастливы, — выждав положенное количество микросекунд, снова заводит свою шарманку Зигфрид, — зачем вы приходите сюда за помощью?

Терпеть не могу, когда он задает этот идиотский вопрос, на который я и сам не могу ответить. Поэтому я молчу, ежусь на матраце из пластиковой пены и пытаюсь снова занять удобное положение. Чувствую, что сеанс предстоит долгий и мерзкий. Ведь если бы я знал, почему мне нужна психотерапевтическая помощь, я бы никогда не обратился к психотерапевту, тем более к такому.

— Роб, что-то вы сегодня неразговорчивы, — говорит Зигфрид в маленький микрофон в голове матраца. Иногда для общения со мной он использует очень жизнеподобный манекен, который сидит в кресле, постукивает карандашом по подлокотнику и время от времени насмешливо улыбается. Но я ему сказал, что нервничаю из-за этого. — Почему бы вам просто не поделиться со мной, о чем вы думаете?

— Я ни о чем особенном не думаю, — вздохнув, отвечаю я.

— Расслабьтесь. Говорите все, что придет вам в голову, Боб.

— Я вспоминаю... — говорю я и замолкаю.

— Что вспоминаете, Робби?

— Врата? — неуверенно произношу я.

— Это скорее вопрос, чем утверждение, — с легкой учительской укоризной в голосе говорит Зигфрид.

— Может, так оно и есть. Ничего не могу поделать. Именно это я и вспоминаю — Врата.

У меня есть все основания никогда не забывать Врата. Там я заработал свое состояние, браслеты

и все остальное. Я вспоминаю тот день, когда покинул Врата. Это был, если не ошибаюсь, 31-й день 22-й орбиты. Значит, отсчитывая назад, шестнадцать лет и несколько месяцев с того момента, как я оставил Землю. Тридцать минут спустя после того, как меня выписали из больницы, я получил деньги, сел на корабль и улетел. Я не мог ждать больше ни минуты.

— Пожалуйста, Робби, говорите вслух, о чем вы думаете, — вежливо пристает Зигфрид.

— Я думаю о Шикетее Бакине, — отвечаю я.

— Да, вы упоминали его имя, помню. А что же вы думаете о нем?

Я не отвечаю. Старый безногий Шикетей Бакин жил в соседней комнате, но я не хочу обсуждать это с Зигфридом. Я корчусь на своем круглом матраце, думая о Шики и стараясь не заплакать.

— Вы, кажется, расстроились, Боб, — участливо интересуется Зигфрид.

На это я тоже предпочитаю не отвечать. Шики был единственным человеком, с которым я попрощался на Вратах, и это казалось мне странным. В наших статусах была большая разница. Я никак не старатель, а Шики всего лишь мусорщик. Ему платили ровно столько, чтобы обеспечить плату за проживание, потому что Шики выполнял грязную работу. Ведь даже на Вратах кто-то должен был убирать мусор. Он, конечно же, понимал, что рано или поздно станет слишком старым и больным даже для этой работы. Тогда, если бы Шики повезло, его просто выбросили бы в космос

и он там преспокойно умер бы. А если бы не повезло, его, возможно, отправили бы обратно на планету. Здесь бы он тоже умер, и очень скоро, но вначале несколько недель прожил бы беспомощным калекой.

Во всяком случае, Шикетей Бакин был моим соседом. Каждое утро он с трудом вставал и тщательно вычищал каждый квадратный дюйм своей каморки. Она очень быстро становилась грязной, потому что даже на Вратах у нас никогда не было недостатка в мусоре, и это несмотря на все попытки от него избавиться. Вычистив все, даже основания маленьких кустиков, которые он с трудом вырастил своими руками, Шики брал обломки пластиковых упаковок, бутылочные крышки, клочки бумаги и снова разбрасывал там, где только что прибрался. Мне это казалось забавным, хотя я никогда не мог понять, для чего он это делает. Но Клара говорила... Клара говорила, что понимает его.

— Боб, о чём вы только что думали? — спрашивает Зигфрид. Я сворачиваюсь клубком и что-то бормочу. — Я не разобрал, что вы только что сказали, Робби.

Я молчу и размышляю, что стало с Шики. Вероятно, он уже давно умер. И вдруг мне становится невыносимо грустно от смерти Шики и мне снова хочется плакать. Но я не могу. Я лишь корчуясь и извиваюсь как змея. Бьюсь о пенопластовый матрац, пока не начинают протестующе скрипеть удерживающие меня ремни. Ничего не помогает. Боль и стыд не уходят. А я мазохистски доволен

собой, доволен тем, что стараюсь изгнать эти чувства, но у меня не получается, и отвратительный сеанс продолжается.

— Боб, вам требуется слишком много времени для ответа, — продолжает приставать Зигфрид. — Вы что-нибудь утаиваете?

— Что за нелепый вопрос? — с благородным негодованием отвечаю я. — Если бы что-то скрывал, я бы об этом знал. — Я снова замолкаю и тщательно обследую каждый уголок своего мозга в поисках того, что утаил от Зигфрида. Но не нахожу ни одной мало-мальски достойной мысли, которую мне хотелось бы скрыть от этого зануды. — Кажется, ничего нет, — наконец отвечаю я. — Во всяком случае, я не чувствую, что о чем-то умышленно умалчиваю. Скорее хочу сказать так много, что не знаю, с чего начать.

— Начинайте с любого, Робби. Первое, что приходит в голову.

Это кажется мне глупым. Откуда мне знать, что первое, а что последнее, когда в голове все перемешалось? Отец? Мать? Сильвия? Клара? Или бедный Шики, пытающийся передвигаться без ног? Он порхал, точно ласточка в амбаре, которая охотится за насекомыми, — так Шики ловил мусор в воздухе Врат.

Я постоянно касаюсь тех мест в собственном сознании, которые причиняют мне страдания. По предыдущему опыту я знаю, что будет больно. Примерно так же я себя чувствовал в семь лет, когда бегал по Скальному парку вместе с другими

детьми и пытался обратить на себя внимание. Или когда мы оказались вне реального пространства и поняли, что попали в ловушку, а из ничего появилась призрачная звезда, улыбаясь, как Чеширский кот. У меня сотни таких воспоминаний, и все они причиняют боль. Да, это так. Они само воплощение боли. В указателе моей памяти против них написано «Болезненно». Я знаю, где отыскать их, и помню, как бывает плохо, когда они всплывают на поверхность. Но пока я держу их взаперти, они не причиняют мне страданий.

— Я жду, Боб, — говорит Зигфрид.

— Думаю, — отвечаю я.

И тут мне приходит в голову, что я опаздываю на урок музыки. Воспоминание о том, что я учусь играть на гитаре, напоминает мне еще о чем-то, и я смотрю на пальцы левой руки, проверяю, не отросли ли ногти — мне хотелось бы, чтоб мозоли стали больше и тверже. Я не очень хорошо играю на гитаре, но большинство моих постоянных слушателей либо не слишком критичны, либо жалеют меня, а я получаю удовольствие от самого процесса. Правда, чтобы поддерживать нужную форму, требуется все время упражняться и помнить кучу вещей. «Сейчас посмотрим, — думаю я, — как перейти от фа-мажор к соль на седьмой струне».

— Боб, — настойчиво обращается ко мне Зигфрид, — сеанс оказался не очень продуктивным. Осталось десять-пятнадцать минут. Почему бы вам не сказать мне первое, что придет в голову... прямо сейчас?

Первое я отвергаю с порога и говорю второе:

— Первое, что приходит мне в голову, я вспоминаю, как плакала мать, когда погиб отец.

— Не уверен, что это на самом деле было первым, Боб, — с сомнением говорит он. — Позвольте высказать предположение. Первая ваша мысль была о Кларе.

В груди у меня все сжимается, дыхание перехватывает. Неожиданно передо мной возникает образ Клары, какой она была шестнадцать лет назад, и ни на час старше... И тогда я произношу:

— Кстати, Зигфрид, я думаю, что хочу поговорить о своей матери, — произношу я и позволяю себе вежливый примирительный смешок. При этом Зигфрид не вздыхает покорно, он молчит так многоизначительно, что создает то же впечатление. — Понимаешь, — начинаю объяснять я, тщательно обходя все не относящееся к этой теме, — она хотела после смерти отца снова выйти замуж. Не сразу, конечно. Не хочу сказать, что она обрадовалась его смерти или что-нибудь такое. Нет, она его любила. Но теперь я понимаю, что она была здоровая молодая женщина — очень молодая. Сейчас подумаем... ей было тридцать три. И если бы не я, она, конечно, вышла бы замуж. Меня до сих пор мучает чувство вины, ведь я не дал ей вторично создать семью. Я пришел к ней и сказал: «Мама, тебе не нужен мужчина. Я буду мужчиной в семье. И я о тебе позабочусь». Но, конечно, это были только слова глупого мальчишки. Мне тогда было пять лет.

481	IRRAY (0) = IRRAY (P)	13,320
	Я думаю, вы обеспокоены.	13,325
482	XTERNAIS; 66AA3 IF; 5B	13,330
	GOTO ** 7Z3	13,335
	XTERNAIS @ 01R IF @ 7	13,340
	GOTO **7Z4	13,345
	Вздор, Зигфрид,	13,350
	ты всегда так говоришь.	13,355
	XTERNAIS c99997AA! IF c8	13,360
	GOTO ** 7Z4 IF? GOTO	13,365
	** 7Z10	13,370
	Я ни о чем	13,375
	не беспокоюсь.	13,380
483	IRRAY. ВЗДОР.. ВСЕГДА.	13,385
	.БЕСПОКОИЛСЯ/ НЕТ.	13,390
484	Почему бы не сказать	13,395
	об этом?	13,400
485	IRRAY (P) = IRRAY(Q)ВВОД	13,405
	УСПОКОИТЕЛЬНОГО ТОНА	13,410
	Нет ничего плохого в том,	13,415
	чтобы сказать,	13,420
	как себя чувствуешь.	13,425
487	IRRAY (Q) = IRRAY(R)GOTO	13,430
	** 1 GOTO ** 2 GOTO	13,435
	** 3	13,440
489	Ты мне надоел,	13,445
	Зигфрид,	13,450
	понимаешь?	13,455
	XTERNALS c1! IF! GOTO	13,460
	**7Z10 IF **7Z10! GOTO	13,465
	** 1 GOTO ** 2 GOTO ** 3	13,470
	IRRAY БОЛЬ	13,475